

Илья, Ермак и Калин царь

Отсылал татарин туриц на святую Русь,
Отсылал он туриц и наказывал:
«Поезжайте-ка, турицы, на святую Русь,
И ко славному ко городу ко Киеву,
Что ни будь вы там да попроведайте,
Что деется на матушке святой Руси».
И съехались турицы на святую Русь,
И приехали турицы в стольно Киев-град:
Хоть отдалі-то турицы поганые
Посмотрели на князя Владимира,
И приехали к татарину поганому.
Стал татарин у них спрашивать:
«Где же вы, мои турицы, были-побыли,
Что же вы, мои турицы, видели?»
Говорят ему турицы таковы слова:
«То мы побыли на матушке святой Руси,
Во славном во городе во Киеве,
То мы видели во городе во Киеве,
Как со матушки с божьей церкви
Шла девица душа красная,
На руках книгу несла во-евангелье.
Причитаючись она да слезно плакала».
Говорил татарин таковы слова:
«Ай вы глупые турицы, неразумные!
Не девица тут шла душа красная,
А тут шла мать пресвятая Богородица,
На руках книгу несла во-евангелье:
Она ведала над Киевом невзгодушку,
Ту она и слезно плакала».
Снаряжается царь Калин со своею силушкой великою,
Посылает он посла в стольно Киев-град,
Ко ласкову ко князю ко Владимиру;
Посылал посла, ему наказывал:
«Поезжай-ка ты, посол, в стольно Киев-град,
Ко ласкову князю ко Владимиру на широкий двор,

И спущай-ка ты коня на посыльный двор,
Сам поди в палату белокаменну.
Креста не клади по-писаному,
Поклонов не веди по-ученому,
И не бей челом на все стороны,
Ни самому-то князю Владимиру,
Ни его князьям подколенным¹,
И полагай-то ты грамоту посыльную на золот стул,
И пословесно князю выговаривай:
Очистил бы он улицы стрелецкия,
И все большие дворы княженецкие,
Чтобы было где стоять царю Калину
Со своею силушкой великою».

Приезжал посол в стольно Киев-град,
Ко князю Владимиру на широкий двор,
Спускает коня на посыльный двор,
Сам идет в палату белокаменну;
На пяту он дверь поразмахивал,
Креста он не клал по-писаному,
И не вел поклонов по-ученому,
Ни самому-то князю Владимиру,
И не его князьям подколенным,
Полагал он грамоту посыльную на золот стул,
И пословечно он, собака, выговаривал:
«Ты, Владимир, князь стольно-киевский!
Причисти-тко улицы стрелецкия,
И все дворы княженецкие,
Чтобы было где жить царю Калину
Со своею силушкой великою».
Поскорешенько посол поворот держал,
Садился он скорехонько на добра коня,
И он поехал по раздольицу чисту полю.

А Владимир-князь в палатах княженецких
Он сидит да приужахнулся;
Говорит Владимир таковы слова:
«Как на почестный пир-пированьице
Съезжаются многие русские могучие богатыри
Ко славному ко князю ко Владимиру;
Как теперь ведают на Киеве невзгодушку,

Так не едут оны ко князю ко Владимиру,
Сидят в своих палатах белокаменных,
Во комнатах во богатырских!»
На пяту тут двери растворилися,
Приходит молодец в палату белокаменну,
Крест он кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
На все на три, на четыре на сторонки покланяется,
Самому князю Владимиру в особину,
И всем его князьям подколенным.
Сам он пословечно выговариват:
«Ласковый Владимир, князь стольно-киевский!
Послан я из за́ставы Московской!
У русских у могучиих богатырей
Есть подогнано литвы много поганья
Ко славному ко городу ко Киеву.
Так ты накладывай первы мисы чиста серебра,
Другия мисы красна золота,
Третьи мисы скатна жемчуга,
Отошли-тко эти мисы во чисто поле
Ко тому татарину поганому,
Чтобы дал нам поры-времени на три месяца
Очистить улицы стрелецкие
И все великие дворы княженецкие».
Тут Владимир князь стольно-киевский
Шел скорешенько на погреба глубокие,
Накладывал первы мисы чиста серебра,
А другия мисы красна золота,
А третьи мисы скатна жемчуга.
И повез тихий Дунаюшка Иванович
Эты мисы ко татарину поганому.
Дал-то им татарин поры-времени,
Поры-времени дал на три месяца
Приочистить улицы стрелецкия
И все великие дворы княженецкие.
В тую порушку в то времячко
Ко славному ко князю ко Владимиру
Приходит още молодец в палату белокаменну,
На пяту он двери поразмахиват,

Крест он кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
На все три-четыре на сторонки поклоняется,
Самому князю Владимиру в особину
И всем его князьям подколенным.
Сам он пословечно выговариват:
«Дядюшка Владимир, князь стольно-киевский!
Дай-ка мне прощеньице-благословленьице
Повыехать в раздольице чисто поле,
Поотведать мне-ка силушки поганого».
Говорил ему Владимир, князь стольно-киевский:
«Ай же ты, любимый мой племничек,
Молодой Ермак Тимофеевич!
Не дам тебе прощеньица-благословленьица
Повыехать в раздольице чисто поле,
Поотведать силушки поганого:
Ты, Ермак, младешенек,
Младешенек, Ермак, глупешенек.
Молодой Ермак, ты лет двенадцати,
На добром коне-то ты не езживал,
В кованом седле ты не сиживал,
Да и палицы в руках не держивал;
Ты не знаешь спонаровки богатырския:
Тебя побьет литва поганая;
И не будет-то у нас богатыря,
То нам не на кого будет понадеяться».
Говорит Ермак, поклоняется:
«Ай же ты, дядюшка мой рѣдный,
Владимир, князь стольно-киевский!
Когда не дашь мне прощеньица-благословленьица
Повыехать в раздольице чисто поле,
Поотведать силушки поганого,
Так дай-ка мне прощеньице-благословленьице
Повыехать в раздольице чисто поле,
Посмотреть только на силушку поганую».
Дал ему дядюшка прощеньице-благословленьице
Повыехать в раздольице чисто поле,
Посмотреть на силушку поганую.
Шел он во свою палату белокаменну,

Одевал-то одежицу забранную;
И шел он, Ермак, на широкий двор,
Седлал добра коня богатырского,
Заседывал коня, улаживал,
Подкладывал он потничек шелковенький,
Покладал на потничек седельшко черкасское,
Подтянул подпружки шелковые,
Полагал стремяночки железа булатняго,
Пряжечки полагал чиста золота,
Не для красы, Ермак, для убожества,
А для-ради укрепы богатырския:
Подпруги шелковые тянутся, — они не рвутся,
Стремяночки железа булатняго гнутся, — они не ломаются,
Пряжечки красна золота они мокнут, — не ржавеют.
Садился Ермак на добра коня,
Берет с собой палицу булатную,
Берет вострое копье он муржамецкое.
Он повыехал в раздольице чисто поле,
Посмотрел на силушку поганого:
Нагнано-то силушки черным-черно,
Черным-черно, как черного ворона;
И не может пропекать красное солнышко
Между паром лошадиным и человеческим.
Вёшним долгиим денечком
Серому зверю вокруг не обрыскати,
Меженным² долгиим денечком
Черну ворону этой силы не обгратьи³,
Осенним долгиим денечком
Серой птицы вокруг не облететь.
Посмотрел Ермак на силушку великую:
Его сердце богатырско не ужахнулось.
Он зовет себе Бога на́ помочь,
Въехал-то он в силушку великую,
Стал он эту силушку конем топтать,
Конем топтать, копьем колоть.
Бьет он эту силушку, как траву косит,
И бился целыя сутки,
Не едаючись и не пиваючись,
И добру коню отдúху не даваючись.

А в нем силушка велика не уменьшилась,
И в нем сердце богатырско не ужáхнулось;
В двадцать четыре часика положенных
Побил он эту силушку великую:
Этой силы стало в поле мало ставиться.

На той Московской на заставы,
На славной на Скат-горы на высокоя,
Стояло двенадцать богатырей без единого.
Говорил тут старый казак Илья Муромец:
«Ай же, братица мои крестовые,
Славные богáтыри святорусские!
Мы стоим на славной Московской на заставы,
Думаем мы думушку великую,
Как нам приступить к этой силушке поганого;
А молодой Ермак Тимофеевич
Бьется он целыя суточки,
Не едаючись и не пиваючись,
И добру коню отдуху не даваючись.
Поезжай-ка ты, Алешенька Попович, во чисто поле,
Наложи-тко храпы крепкие
На него на плечики могучия,
Окрепи-тко его силушку великую,
Говори-тко ты ему таковы слова:
«Ты, Ермак, позавтракал,
Оставь-ка нам пообедати».
Выехал Алеша Попович в чисто поле
Ко славному богáтырю святорусскому,
Наложил он храпы крепкие
На него на плечики могучия:
Он первые храпы поóборвал;
Налагал Алешенька Попович храпы другие:
Он другие храпы поóборвал;
Налагал Алеша храпы третьии:
Он и третьи храпы пооборвал.
Поскорешенько Алеша поворот держал,
Приезжал на Скат-гору высокою,
Говорил Алеша таковы слова:
«Ай же, старый казак Илья Муромец!
Хоть-то был я во раздольице чистом поле,

То я не мог приунять богатыря святорусского,
И не мог укротить его силушки великия:
Он трой храпы мои пооборвал».

Говорил Илья Муромец таковы слова:
«Поезжай-ка ты, Добрынюшка Микитинец,
Поскорешенько в раздольице чисто поле,
Наложи-тко храпы крепкие
На него на плечики могучия,
Окрепи-тко его силушку великую,
Говори-тка ему таковы слова:
«Ты, Ермак, позавтракал,
Оставь-ка нам пообедати».

Выезжал Добрыня во чисто поле,
Ко славному богатырю святорусскому,
Наложил он храпы крепкие
На него на плечики могучия:
Он первые храпы пооборвал.
Налагал Добрыня храпы другие:
Он другие храпы пооборвал.
И налагал Добрыня храпы третьи:
Он и третьи храпы пооборвал.
Поскорешенько Добрыня поворот держал,
Приезжал на Скат-гору высокую,
Говорил Добрыня таковы слова:
«Ай же, старый казак Илья Муромец!
Хоть-то был я во раздольице чистом поле,
То не мог я приунять богатыря святорусского,
И не мог укротить его силушки великия:
Он трои храпы мои пооборвал».

Тут старый казак Илья Муромец
Сам скорешенько садился на добра коня,
Он ехал скоро-наскоро в раздольице чисто поле,
Подъехал к богатырю святорусскому,
Наложил он свои храпы крепкие
На него на плечики могучия,
Прижимал его к своему ретивому сердечушку,
Говорил он ему таковы слова:
«Ай же, млад Ермак Тимофеевич!
Ты, Ермак, позавтракал,

Оставь-ка нам пообедати,
Прикрати-тко свою силушку великую».
Тут молодой Ермак Тимофеевич,
Со этих побоев со великих,
Со этих с ударов со тяжелых,
Кровь-то в нем была очень младая,
Тут молодой Ермак он представился.

Тут старый казак Илья Муромец
Ехал он на Скот-гору высокую,
Брал свою дружинишку хоробрую,
Двенадцать богатырей без единого,
Сам-то Илья во двенадцатых.
Поехали раздольцем чистым полем:
От них литва поганая в побег пошла.
Тут они скрятали⁴ татарина поганого.
Этот-то татарин поганый
Давает им заповедь великую,
И пишет с ними заповедь он крепкую:
Будет платить дани-выходы
Князю Владимиру искон до веку.

(Записано П. Н. Рыбниковым со слов Рябина Т. Г., Киж)

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2, т. 1, Москва, 1909.

1 Колено значит старший в семье; следовательно подколенье князя — младшие удельные князя.

2 Межень — жаркая летняя пора.

3 Грять — каркать.

4 Скрутили, захватили в полон — по объяснению певца.